

© 2008 г.

К.Т. ТИХИЙ

УОЛТЕР ДЮРАНТИ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Имя американского журналиста Уолтера Дюранти хорошо знакомо отечественным и зарубежным специалистам по истории американско-советских отношений межвоенного периода¹. Его вклад в становление и развитие двусторонних отношений обычно оценивался историками и современниками в сдержанно положительном тоне. Репортажи У. Дюранти из СССР в начале 1930-х годов оказали значительное воздействие на формирование у американцев положительного образа советской системы и в целом содействовали подготовке американского общества к идее признания советского государства. Как правило, в исследованиях этим обычно и ограничивается интерес к журналисту, как к человеку, исполнившему свою позитивную роль в налаживании официальных дипломатических контактов между двумя странами.

На самом деле общая оценка деятельности Дюранти на поприще журналистики не столь однозначна. Уже в 1930-е годы его коллеги по перу, такие как сотрудник Информационного Агентства "Юнайтед Пресс" Ю. Лайонс и корреспондент газеты "Крисчен сайенс монитор" У.Г. Чемберлин, нередко критически оценивали репортажи журналиста из Советского Союза, ставя под сомнение их достоверность². На гребне неоконсервативной волны в американской историографии появились работы, в которых пересматривается вклад Дюранти в развитие советско-американских отношений³. В упрек ему ставится нарушение профессиональной этики журналиста, проявившееся в сознательном замалчивании нелицеприятных фактов о жизни в СССР, что в итоге приводило

Тихий Константин Теодорович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Уссурийского государственного педагогического института.

¹ *Williams W.A.* American-Russian Relations, 1781–1947. New York, 1952; *Browder R.P.* The Origins of Soviet-American Diplomacy. Princeton, 1953; *Иванов В., Леонян В.* В интересах народов. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. М., 1957; *Фураев В.К.* Советско-американские отношения, 1917–1939 гг. М., 1964; *Hohenberg J.* Foreign Correspondence. The Great Reporters and Their Times. New York – London, 1964; *Вальков В.А.* СССР и США: их политические и экономические отношения. М., 1965; *Gaddis J.Z.* Russia, the Soviet Union and the USA: An Interpretive History. New York, 1978; *Maddux T.R.* Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee 1979; *Касьяненко В.И.* Правда и ложь о Стране Советов. М., 1987; *Richman J.* The U.S. and the Soviet Union: The Decision to Recognize. Chapel Hill, 1980; *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. М., 1997; *Севостьянов Г.Н.* Москва – Вашингтон: дипломатические отношения, 1933–1936 гг. М., 2002.

² *Chamberlin W.H.* Russia's Iron Age. Boston, 1934; *idem.* Collectivism: A False Utopia. New York, 1937; *idem.* The Confessions of the Individualist. New York, 1940; *Fischer L.* Soviet Journey. New York, 1935; *Lyons E.* Moscow Carrousel. New York, 1935; *idem.* Assignment in Utopia. New York, 1937; *idem.* Stalin: Czar of All Russians. New York, 1940; *idem.* The Red Decade. The Classic Work on Communism in America During the Thirties. New York, 1971.

³ *Crowl J.W.* Angels in Stalin's Paradise: Western Intellectuals in Soviet Russia, 1917–1937: A Case Study of L. Fischer and W. Duranty. Washington, 1982; *Bassow W.* The Moscow Correspondents: Reporting on Russia From the Revolution to Glastnost. New York, 1988; *Taylor S.* Stalin's Apologist: Walter Duranty, the New York Time's Man in Moscow. New York–Oxford, 1990.

к дезинформации зарубежной общественности и способствовало консервации симпатий к советской системе со стороны части американских интеллектуалов вплоть до "большого террора" 1937 г. В связи с этим трудно однозначно оценить вклад Дюранти в становление и развитие советско-американских отношений.

Другой парадокс усматривается в том, что репортажи Дюранти по своему апологетическому содержанию не во многом отличались от сообщений тех американских интеллектуалов, которые испытывали известные симпатии к Советскому Союзу. Тем не менее, имя Дюранти не упоминается среди известных попутчиков коммунизма⁴. Позиция Дюранти вызывает тем большее недоумение, поскольку журналист досконально знал, что происходит на самом деле. Вопрос заключается в том, почему он так поступал. По одной версии его завербовало ведомство НКВД, по другой – он был мизантропом, по третьей – его интересовала исключительно профессиональная карьера. Исследование его деятельности на поприще журналистики в период пребывания в СССР поможет понять те мотивы, которыми он руководствовался, отправляя свою информацию читателям за океаном.

У. Дюранти родился 25 мая 1884 г. в Ливерпуле в довольно зажиточной строгой пресвитерианской семье. Со временем материальное благосостояние его родителей существенно снизилось, чему способствовал обвал на Нью-йоркской фондовой бирже в "черную пятницу" за десять дней до его рождения. Уже в юные годы Уолтер смог успешно приспособиться к условиям общения с людьми, которые представляли различные слои общества, поскольку Ливерпуль был городом резких социальных контрастов. Но при этом Дюранти причислял себя скорее к обеспеченной части сограждан, чем к бедным. Уолтер рано осиротел: когда ему исполнилось 10 лет, его родители погибли в железнодорожной катастрофе.

Свое первое впечатление о России будущий журналист получил еще в возрасте четырех лет. Его няня, используя иллюстрации, рассказала ему обычную, казалось, историю. Отец с матерью и пятью детьми ехали зимой через заснеженную степь, и на них напали волки. Родителям пришлось бросать на растерзание одного за другим ребенка, чтобы спасти хотя бы одного⁵. Эта сцена, по словам Дюранти, вошла в его сознание "ужасом и предубеждением против России". Она подразумевала, что Россия – "дикая и варварская страна, в которой звери все еще представляют опасность для человека", и что "русские из-за бездушия или вследствие необходимости без колебаний пожертвуют другими людьми, какими бы дорогими для них они ни были, чтобы спасти свои собственные жизни"⁶.

Осенью 1903 г., несмотря на семейные финансовые неурядицы, Дюранти поступил в Кембридж. Обучение его проходило в колледже Эммануэль, который в то время являлся центром религиозного обучения для одаренных студентов, и готовил служащих для церкви⁷. Однако карьера священнослужителя не устраивала Дюранти. Его привлекала журналистика. В 1907 г. Дюранти с отличием закончил колледж. В 1913 г. он начал работать на газету "Нью-Йорк таймс". В годы Первой мировой войны он прочно обосновался в парижском бюро газеты, освещая ход боевых действий на Западном фронте. Первая мировая война оказала большое воздействие на Дюранти. Позже он объяснял: "Война во Франции научила меня определенному равнодушию к крови и нищете, страху и жалости. Неожиданная смерть становилась обычным делом"⁸. Вероятно, Дюранти так бы и остался малоизвестным репортером, если бы не революция в России.

На протяжении первых послереволюционных лет американских издателей вполне устраивало то, что информация о большевистской России основывалась на различных

⁴ См.: *Coute D.* The Fellow Travelers. Intellectual Friends of Communism. Revisited and Update Edition. New Haven – London, 1988.

⁵ *Duranty W.* I Write As I Please. New York, 1935, p. 3–4.

⁶ *Ibid.*, p. 5.

⁷ *Taylor S.* Op. cit., p. 22.

⁸ *Duranty W.* Op. cit., p. 77.

слухах из непроверенных источников или же поступала опосредованно из ряда европейских столиц, прежде всего, из Берлина, Парижа, Риги и Варшавы. Такая ситуация довольно часто приводила к поспешным выводам. Так, например, газета "Нью-Йорк таймс" с ноября 1917 г. по ноябрь 1919 г. 91 раз утверждала, что большевистское правительство пало, 4 раза, что Ленин и Троцкий готовы бежать из России, один раз, что Ленин убит и т.д.⁹ Безосновательные утверждения не способствовали укреплению авторитета газеты. Поэтому ее издатели приняли решение послать своего специального представителя в Ригу. Выбор пал на молодого журналиста У. Дюранти.

Первое время отчеты Дюранти почти не отличались от корреспонденций коллег. Большевики обычно изображались террористами с наганами и бомбами, стремившимися всеми путями покончить с буржуазными правительствами. Типичной была история Дюранти о задержании латвийской полицией советского курьера, перевозившего в Нью-Йорк подстрекательские документы, деньги и письма для американских коммунистов. Серия статей под общим заголовком "Красные хотят войны с Америкой" неделю не сходила с первой полосы газеты. Документы, захваченные у "красного курьера" "с челюстями гориллы и узким лбом", писал Дюранти, позволяют утверждать, что "большевистской банде в Москве нельзя верить"¹⁰. Редакторам "Нью-Йорк таймс" настолько понравились эти статьи, что журналисту в порядке исключения была вручена специальная денежная премия.

В 1921 г. с началом работы Американской администрации помощи (АРА) в Советской России, Дюранти в числе других корреспондентов приехал в Москву. Иностранцы прибыли в самый трудный период Советского государства, когда в стране царил полная разруха, экономический коллапс и голод. Приезжих разместили в отеле "Савой". Его условия были далеки от европейских стандартов: голые панцирные сетки кроватей без матрацев, вода и электричество подавались крайне нерегулярно, повсюду в изобилии водились крысы. Практически отсутствовали телефоны, обслуживание в ресторане затягивалось на часы¹¹. Дюранти первым съехал из отеля. Он воспользовался муниципальным законом, согласно которому всякий, кто отремонтирует жилое помещение, имел право занять его на три года без уплаты налогов. Дюранти вместе со своим другом Гербертом Пулитцером, который являлся владельцем газеты "Нью-Йорк уорлд" и также занимался журналистикой, восстановили разрушенный ресторан. Со временем этот дом стал местом частых встреч иностранцев, куда охотно приходили и русские.

Журналисты, приехавшие в Россию, по словам британского обозревателя П. Уинтертона, были людьми "с различной степенью невежества"¹². Они не знали ни культуры страны пребывания, ни языка, ни обычаев. В скором времени установился своеобразный стиль в работе московских корреспондентов. Обычно нанимался русский секретарь, который прочитывал газеты и журналы и составлял их краткую письменную аннотацию. Если какой-то материал вызывал интерес, то статья подробно переводилась, и на этой основе составлялись сообщения для отправки за рубеж. Среди первых американских корреспондентов лишь С. Спек, выходец из семьи русских эмигрантов, знал язык. Дюранти решал проблему языка иначе. Он с энтузиазмом учил язык, пользуясь услугами своего русского секретаря – переводчицы Кати. Впоследствии их отношения вышли далеко за рамки рабочих.

С начала 20-х годов стиль подачи материала у Дюранти начинает постепенно меняться. Позже он вспоминал, что если бы не его статья о новой экономической политике, основанная на переводе передовицы из "Правды", он вряд ли получил бы въезд-

⁹ Lippman W., Merz C. Test of the News. – The New Republic, 4.VIII.1920.

¹⁰ Duranty W. Red Courier Tells Conflicting Stories. – The New York Times, 31.XII.1919; *idem*. Seize Red Courier in His Way Here. – The New York Times, 25.XII.1919.

¹¹ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Дж. Кенна-на. М., 2002, с. 47.

¹² Bassow W. Op. cit., p. 49.

ную визу¹³. Дело в том, что когда иностранным журналистам выдавали въездные визы в Советскую Россию в рамках соглашения с АРА, заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов вычеркнул Дюранти из списка из-за его публикаций истории с "красным курьером".

Рассказ начинался с описания тех трудностей, которые вызвали введение новой экономической политики. Драматизм и иногда чрезмерные эмоции стали характерными чертами журналистского стиля Дюранти. Но последующий анализ новой политики, без всяких преувеличений, был более серьезным. Он сравнивал нэп с экстремальными мерами, предпринятыми союзниками по Антанте в годы Первой мировой войны, что фактически ставило Советскую Россию в один ряд с ними¹⁴. Не исключено, что именно это обстоятельство не упустил из виду Литвинов, и за такое проявление "доброй воли" журналисту разрешили въезд в страну.

Период с 1924 по 1927 г. был самым трудным для журналиста. Четырехлетнего пребывания в России не хватило для того, чтобы адаптироваться к новой системе. После смерти В.И. Ленина в январе 1924 г. Дюранти приходилось анализировать стремительный поток новостей о политической и экономической жизни в Стране Советов, к чему он не был готов. Справедливости ради следует отметить, что на этом поприще ни один из зарубежных журналистов не добился ощутимого успеха.

Всю зиму 1923–1924 гг. Дюранти оставался в Москве, и у него была возможность представлять своим читателям детальное описание начавшейся политической борьбы. Его сообщения были намного подробнее и информативнее, чем у других журналистов. В начале 1923 г., перед вторым приступом болезни у Ленина, Дюранти попытался дать характеристику тем людям, которые, по его мнению, будут претендовать на власть в России после смерти вождя. Его оценки оказались настолько верными, что он позже ими гордился и использовал их как доказательство того, что именно он является одним из самых проникательных журналистов в московском корпусе. Обо всех кремлевских фигурах Дюранти писал, что они слабы здоровьем или что у них отсутствуют амбиции. Место преемника Ленина он зарезервировал для И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого. Однако после публикации в конце 1922 г. интервью с Троцким, которого он сравнивал с британским премьером Ллойд Джорджем, отношения между Троцким и Дюранти охладели. Спустя год он отмечал, что у Троцкого нет ленинской "аналитической мощи", и поэтому он вряд ли станет его преемником. С другой стороны, Дюранти высоко охарактеризовал Сталина, назвав его "замечательной фигурой", "самым влиятельным человеком"¹⁵ на тот день.

Учитывая, что эти оценки появились в преддверии XII съезда РКП(б), на котором Сталин фактически стал во главе партийного аппарата, прогнозы Дюранти оказались, безусловно, точными. Вероятно, на журналиста большое воздействие оказал тот факт, что готовить проект Конституции было поручено именно Сталину, что было бы невозможным, если бы Ленин не видел в нем своего преемника.

В двух последующих статьях, в которых Дюранти писал о перспективах Сталина, он уже противоречил себе. В марте 1923 г. Дюранти утверждал, что именно Троцкий является ключевой фигурой в Политбюро. Сталина он ставил в один ряд с Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым и другими деятелями рангом ниже¹⁶. В начале сентября 1923 г. Дюранти уже писал о том, что Ленин остановит свой выбор только на русском. Поскольку Троцкий был евреем, а Сталин грузином, то Дюранти полагал возможным преемником Ленина Н.И. Рыкова – "прекрасного администратора"¹⁷. Таким образом, оценки, сде-

¹³ *Duranty W. I Write As I Please*, p. 105.

¹⁴ *Duranty W. Lenin Abandons State Ownership As Soviet Policy*. – *The New York Times*, 13.VIII.1921.

¹⁵ *Duranty W. Five Men Directing Destiny of Russia*. – *The New York Times*, 18.I.1923.

¹⁶ *Duranty W. Lenin is Declared Out of Danger Now*. – *The New York Times*, 17.III.1923.

¹⁷ *Duranty W. Russia is Lining Up Communists Abroad*. – *The New York Times*, 6.IX.1923.

ланные Дюранти все-таки в большей степени основывались на слухах, чем на тщательном анализе фактов.

На протяжении весны – лета 1923 г. Дюранти вяло комментировал партийную борьбу, которая повлекла ослабление позиций Троцкого. К этой теме Дюранти обратился только в ноябре 1923 г., когда обозначился пик борьбы между Троцким и триумvirатом – Зиновьевым, Каменевым и Сталиным. Спустя годы он признал, что просто не обращал на это внимание. Дюранти пояснял, что в 1923 г. он еще не мог выискивать правдивую информацию между строк советской прессы. Он признал, что до него доходили слухи о внутрипартийной борьбе, но он не придавал им значения, поскольку подобные истории ему доводилось слушать и раньше, и они не подтверждались¹⁸.

К декабрю 1923 г. накал политической борьбы настолько усилился, что Дюранти уже не мог ее игнорировать. Тем не менее, он практически не обратил внимания на так называемое "письмо сорока шести" и обращение Троцкого к коммунистам краснопресненской партийной организации. В середине декабря советская пресса стала полем сражения между триумvirатом и троцкистами. Большинство Политбюро РКП(б) обвиняло троцкистов в фракционности, а троцкисты, в свою очередь, обвиняли триумvirат в создании сверхбюрократизированной, авторитарной партии. Взаимные нападки застали Дюранти врасплох. Когда Сталин, укрепляя свою власть, объявил о наборе 100 тыс. новых членов партии, Дюранти легкомысленно объявил этот шаг попыткой демократизации партии¹⁹. Таким образом, анализ политической борьбы, проведенный Дюранти, вновь оказался поверхностным.

В течение лета 1924 г. журналист мало уделял внимания освещению политической ситуации в Советском Союзе. В конце августа Дюранти, находясь на отдыхе во Франции, следуя поездом Париж – Гавр, попал в железнодорожную катастрофу, в результате чего ему до колена ампутировали левую ногу. Вплоть до весны 1925 г. он провел все время во французских больницах и в Москву возвратился лишь в августе. Дюранти оставался в Москве до марта 1927 г., когда вновь активизировались действия сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева. Тем не менее, Дюранти придерживался прежней практики – не пытался прогнозировать результаты внутрипартийной борьбы до тех пор, пока она не закончится.

Когда в СССР разразился политический кризис, Дюранти был за границей. С конца апреля по середину июля 1927 г. он находился в Китае, откуда посылал сообщения о ходе борьбы между Нанкинским правительством и Гоминьданом. Позже он писал, что его путешествие в Китай стало краеугольным камнем в понимании России. В результате он начал рассматривать внутрипартийную борьбу в Советском Союзе сквозь призму противостояния западной традиции, олицетворением которой, по его мнению, был Троцкий, и русского азиатского характера, носителем которого виделось сталинское руководство и большинство населения²⁰.

Тем не менее, Дюранти критически относился к преследованию оппозиции. Казалось, он был удовлетворен тем, что в августе 1927 г. ЦК ВКП(б) вынес лишь предупреждение оппозиции. Этим, вероятно, объясняется его решение выехать в Европу. Вернулся он в Москву в начале октября, когда главные фигуранты оппозиции были уже арестованы. Дюранти безоговорочно принял официальную версию, которая утверждала, что оппозиция продолжала фракционную деятельность и после августа²¹. Он считал, что такая безжалостность вполне объяснима. "Правда заключается в том, что Россия, как и другие восточные страны, не знает и никогда не знала значения слова свобода в западном смысле. Восточное автократическое правление, будь то император или прези-

¹⁸ *Duranty W. I Wright As I Please*, p. 212–215.

¹⁹ *Duranty W. Great Discontent Pervades Russia; Reds Forced to Act.* – *The New York Times*, 8.XII.1923.

²⁰ *Duranty W. I Write As I Please*, p. 273.

²¹ *Duranty W. Bukharin Explains Russian Quarrel.* – *The New York Times*, 26.X.1927.

дент-диктатор, как Кемаль, или строго дисциплинированная коммунистическая партия... является единственной приемлемой формой правления"²².

Когда победа Сталина к ноябрю 1927 г. стала более очевидной, цинизма у Дюранти прибавилось. В статье, посвященной 10-летию революции, Дюранти писал о многочисленных демонстрациях рабочих, утверждая, что они рады той свободе, которая превзошла их "все самые невероятные довоенные надежды"²³. Организованные в поддержку Сталина демонстрации и видимое безразличие общества к судьбе оппозиционеров он воспринял как свидетельство того, что Сталин пользуется огромной повсеместной поддержкой в стране. Когда на XV съезде ВКП(б) лидеры оппозиции были исключены из партии, он сообщил об этом кратко, без комментариев. Высылку Троцкого в Среднюю Азию в январе 1928 г., по его мнению, заметили очень немногие.

Убежденность Дюранти в особом развитии России нашла свое отражение не только в анализе политического развития страны, но и в характеристике основных событий в экономической сфере. Многие иностранные журналисты с известным энтузиазмом восприняли действия советского правительства по реализации первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.), отмечая его гуманную направленность. Плановое хозяйство, по их мнению, могло бы вывести Россию из отсталости и поднять жизненный уровень населения. Интерес к пятилетке особенно усилился с началом экономической депрессии в США. Среди недостатков и трудностей пятилетки американские обозреватели особо выделяли ее "бешеные темпы", сопровождавшиеся огромным физическим напряжением людских ресурсов, нерациональным использованием и большим истощением материально-сырьевой базы страны.

Дюранти представил читателям собственную интерпретацию пятилетки. Для исторического развития России как типично азиатской страны, писал он, характерно чередование периодов летаргического загнивания и бездействия взрывами прогресса. Государство находилось в спячке два столетия, несмотря на то, что европеизированные императоры пытались пробудить его, призывая к индивидуальной инициативе и свободному предпринимательству. Журналист утверждал, что коммунизм пришел к власти в России потому, что именно он был той "гальванизирующей силой", в которой нуждалась страна. По его мнению, пятилетки были призваны осуществить "психологическую встряску" населения. В такой ситуации, подчеркивал Дюранти, возможно применение любых методов, которые недопустимы в странах западной демократии²⁴. Исходя из этого, журналист считал, что завышенные планы первой пятилетки были нужны потому, что русские рабочие выполняют искомые 100% лишь в том случае, если им будет поставлена цель 125%²⁵.

Дюранти называл советских руководителей "альтруистами", которые "честно пытались создать дисциплинированную и уважающую себя нацию из орды вновь освобожденных рабов"²⁶. Страдания и жертвы не имели значения, так как руководство само было готово умереть за это дело. Объяснения Дюранти не только характеризуют его циничное и пренебрежительное отношение к русскому народу. Очевидно и стремление журналиста подчеркнуть моральное превосходство западной демократии над диктатурой.

Пик профессиональной карьеры Дюранти приходится на 1932–1933 гг. Его в целом благоприятные комментарии по поводу того, что он видел в России на протяжении 20-х – начала 30-х годов сопровождались призывами к установлению дипломатических отношений между США и СССР. Позиция журналиста не осталась незамеченной в Советском Союзе. Последние публикации материалов Архива МИД РФ²⁷ свидетельству-

²² *Duranty W. Soviet Merciless With Insurgents.* – *The New York Times*, 16.XI.1927.

²³ *Duranty W. Soviet Celebration Proved A Success.* – *The New York Times*, 13.XI.1927.

²⁴ *Duranty W. The Bogey of Moscow.* – *The North American Review*, 1936, June, p. 236.

²⁵ *Duranty W. Soviet At Crises Over 5-Year Plan.* – *The New York Times*, 14.VI.1931.

²⁶ *Duranty W. Russia Reported.* London, 1934, p. 366–367.

²⁷ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926; Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933. Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М., 2002.

ют о высокой степени доверия руководителей советского внешнеполитического ведомства к Дюранти. Они нередко обращались за помощью к нему, когда нужно было срочно сделать необходимые разъяснения американской общественности по ключевым вопросам советской внутренней и внешней политики, разумеется, представляя официальную советскую точку зрения²⁸. С другой стороны, в советском внешнеполитическом ведомстве прислушивались к рекомендациям Дюранти о том, кого из приезжих американцев – политиков, бизнесменов, представителей интеллектуальных кругов – можно было использовать для создания позитивного образа советского государства в США²⁹.

В США также прислушивались к мнению Дюранти. Используя открытые публикации в советской прессе, он первым подсчитал, сколько золота добывается в Советском Союзе³⁰. Тот факт, что СССР занимает второе место в мире по добыче золота после Южно-Африканского Союза позволил американским деловым кругам по-новому оценить вопрос о платежеспособности советского правительства. В конце июля 1932 г. Ф.Д. Рузвельт пригласил Дюранти на ленч, во время которого журналист проинформировал будущего президента о том, что происходит в Стране Советов, в том числе затронув вопрос о советском золоте³¹. Но журналист в то время был уже не только экспертом по золоту. Его голос имел значительный вес в борьбе в США сторонников и противников признания СССР.

Накануне признания Дюранти оказался в водовороте событий и везде поспевал. Он плыл на пароходе "Беренгария" с Литвиновым в США на переговоры по установлению дипломатических отношений между странами. В СССР журналист возвращался с первым послом США в СССР У.К. Буллитом³². Триумф завершился, когда 25 декабря 1933 г. Сталин пригласил корреспондента "Нью-Йорк таймс" в Кремль и беседовал с ним около часа по вопросу о признании СССР³³. В ходе беседы Сталин подробно остановился на воздействии этого важного политического акта на международные отношения и на перспективах двустороннего торгово-экономического сотрудничества³⁴. Советский руководитель высоко отозвался о президенте Ф.Д. Рузвельте, назвав его "решительным" и "мужественным" политиком. Сталин вновь подтвердил платежеспособность советского правительства. Интервью из Москвы этого "маленького, спокойного англичанина с деревянным протезом ноги"³⁵ перепечатали крупнейшие издания США.

Дюранти успел встретиться с руководителем советского государства раньше американского посла У. Буллита. Факт сам по себе примечательный, если учесть, что Сталин очень неохотно общался с иностранными дипломатами и журналистами. Добиться эксклюзивного интервью с первым лицом государства всегда чрезвычайно сложно. Так, первое интервью представителю иностранной прессы Сталин дал лишь в 1925 г. Им был корреспондент "Осака Майничи" М. Фуси. Вторым, кому удалось взять интервью в октябре 1926 г., стал профессор Йельского университета Дж. Дэвис. Он не был профессиональным журналистом, но основное содержание его беседы было опубликовано во многих зарубежных газетах. Третьей встречи удалось добиться корреспонденту "Юнайтед Пресс" Ю. Лайонсу лишь в ноябре 1930 г.³⁶ Дюранти получил такую возможность 1 декабря 1930 г. Именно тогда Сталин заявил о согласии советского правительства платить небольшую долю довоенных долгов в качестве добавочного процента за креди-

²⁸ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933, док. 300, с. 639; *Севостьянов Г.Н.* Указ. соч., с. 207.

²⁹ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926, док. 400, с. 541.

³⁰ *Taylor S.* Op. cit., p. 178–179.

³¹ *Duranty W.* I Write As I Please, p. 298.

³² См.: *Севостьянов Г.Н.* Миссия Литвинова в Вашингтон в 1933 г. Новые материалы. – Новая и новейшая история, 1994, № 4.

³³ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933, док. 375, с. 346–348.

³⁴ См.: *Севостьянов Г.Н.* Москва – Вашингтон..., с. 22–23, 123.

³⁵ *Roosevelt Health Drunk in Moscow.* – The New York Times, 20.XI.1933.

³⁶ *Desmond R.* Crises and Conflicts. World News Reporting. 1920–1940. Iowa City, 1982, p. 46.

ты³⁷. Тот факт, что Дюранти удалось за три года взять у Сталина два интервью еще раз свидетельствует о высокой степени доверия советских руководителей к американскому журналисту. Но это доверие нужно было заслужить.

Своеобразным вотумом доверия Дюранти стало освещение проблемы голода в СССР в 1932–1933 гг. Масштабы катастрофы были огромными. Поэтому советское правительство предпринимало все меры для того, чтобы скрыть истинные размеры бедствия. Почти одновременно с введением в декабре 1932 г. паспортной системы для советских граждан, представителям зарубежных средств массовой информации было запрещено покидать пределы Москвы и ее пригородов. Тем не менее, информация из районов, охваченных голодом, регулярно поступала в пресс-корпус. Один из коллег журналиста Ю. Лайонс вспоминал: "Тема проблемы голода воспринималась как нечто само собой разумеющееся в наших случайных разговорах в гостиницах и квартирах"³⁸.

Нелегально выехать из Москвы или пытаться отослать на Запад материалы, минуя цензуру, было крайне опасно. Это могло бы повлечь трудности в получении очередной въездной визы³⁹. Кроме того, первые сообщения о голоде в СССР были встречены на Западе в целом с безразличием или недоверием со стороны массовой аудитории и явной враждебностью со стороны левых либералов. Хотя, вероятно, до экономического кризиса 1929–1933 гг. эта тема могла стать сенсацией за границей. Однако на фоне роста фашистской опасности и миролюбивых заявлений советских руководителей, версия о том, что голод был результатом преднамеренной политики, вызвала сомнения. Обозреватели чувствовали, что ценность новостей о голоде в России уменьшилась⁴⁰.

Большинство репортеров, подчинившись требованиям цензуры, помалкивало. В апреле 1933 г. в Москве должен был состояться судебный процесс по делу Метро – Виккерс. К.А. Уманский, в то время курировавший связи с иностранными журналистами, встретился с некоторыми из них и предупредил, что информацию из зала суда получают только те обозреватели, которые опровергнут сообщения о голоде в СССР. Поскольку судебное разбирательство было главной новостью, вспоминал Лайонс, было бы "профессиональным самоубийством" отказаться от такой информации⁴¹.

Учитывая эти обстоятельства, становится понятным, почему голод 1932–1933 гг. подробно освещался лишь теми зарубежными корреспондентами, которые навсегда покидали Советский Союз. Коллективизация с ее последствиями стала первым рубежом, который не смогли преодолеть многие прежние почитатели Страны Советов. Среди них были известные специалисты по советской тематике: корреспондент "Крисчен сайенс монитор" У.Г. Чемберлин и сотрудник информационного агентства "Юнайтед Пресс" Ю. Лайонс. Они пришли к выводу, что все происходившее в Советском Союзе не имеет никакого отношения к социализму. Соккрытие советским правительством от мировой общественности факта голода предстало перед ними как "квинтэссенция теории революции"⁴². Вскоре эти журналисты стали непримиримыми критиками советской системы. В 1950-е годы, в разгар "холодной войны", Чемберлин был специальным помощником сенатора Дж. Маккарти, организовавшего широкомасштабную "охоту на ведьм" в США.

Положение Дюранти в сложившейся обстановке было благоприятным: его работа в Москве подходила к концу, поэтому угроза лишения въездной визы не могла беспокоить журналиста. Но он предпочел и в этой ситуации в очередной раз продемонстрировать свою оригинальность в освещении событий. Тем более что голод также мог рассматриваться как "психологическая встряска". Его сообщения в "Нью-Йорк таймс" по-

³⁷ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933, док. 351, с. 708.

³⁸ Lyons E. Assignment in Utopia, p. 574.

³⁹ Duranty W. I Write As I Please, p. 259–270.

⁴⁰ Crowl J. Op. cit., p. 141–142; Lyons E. Assignment in Utopia, p. 628.

⁴¹ Lyons E. Assignment in Utopia, p. 575–576.

⁴² Lyons E. To Tell or Not to Tell? – Harper's Magazine, 1935, June, p. 103; Chamberlin W.H. The Confessions of an Individualist, p. 102–103.

ражают воображение иезуитскими заявлениями о том, что в России, якобы, нет голода или голодных смертей; есть лишь "широко распространенная смертность из-за заболеваний, вызванных недоеданием"⁴³. При этом он писал: "Кремль с фанатичным жаром утверждает, что трудности стоят того"⁴⁴.

Дюранти был едва ли не первым иностранным корреспондентом, которому власти официально разрешили посетить некоторые районы Северного Кавказа в сентябре 1933 г. Ситуация с продовольствием к тому времени значительно улучшилась. Поэтому советская пропагандистская машина воспользовалась этим шансом, чтобы убедить иностранных обозревателей и западную общественность в стабилизации обстановки. Такие поездки были призваны опровергнуть или, по крайней мере, смягчить сообщения в американской прессе в конце лета 1933 г. о больших человеческих потерях вследствие голода. Выбор, павший на Дюранти, не был случайным, и он себя оправдал. В своем отчете журналист отмечал, что деревенские рынки заполнены разнообразными дешевыми продуктами. "Даже ребенку ясно, – писал он, – что здесь не голод, а изобилие"⁴⁵.

По этим же местам спустя две недели путешествовал У.Г. Чемберлин. Журналист обнаружил убедительные доказательства недавнего голода⁴⁶. Даже Дюранти рисует эти области не свободными от лишений⁴⁷. Лишь спустя 10 лет он, наконец, рассказал правду о том, что видел в сентябре 1933 г. Тем не менее, им было предложено объяснение, которое снимало ответственность с советского руководства. Дюранти заявил, что угроза японского нападения в 1932 г. вынуждала советское правительство создавать большие запасы продовольствия для вооруженных сил на случай войны. Руководство страны, якобы, намеренно умалчивало о голоде, чтобы скрыть эту слабость от японцев⁴⁸. Многие читатели приняли версию журналиста. Именно за такие "оригинальные" обзоры первой пятилетки в 1932 г. Дюранти была вручена почетная премия Пулитцера⁴⁹.

Однако едва ли можно серьезно принимать такие объяснения журналиста о причинах голода. В адрес Дюранти выдвигались обвинения в том, что его репортажи регулярно оплачивались Москвой⁵⁰. Эта версия основывается лишь на утверждении Ю. Лайонса, которому супруга Литвинова якобы сообщила, что видела, как Дюранти получал деньги в советском посольстве в Париже. Здесь нужно учесть и то, что Лайонс, вероятно, был обижен тем, что ему не было оказано особого внимания со стороны советских властей, несмотря на его прежние заслуги во время работы в РОСТА в США⁵¹. И, конечно, он не мог знать того, что в наркомате иностранных дел его подозревали в связях со 2-м отделом польского генштаба (разведка)⁵².

Что касается Дюранти, то его материальное положение в то время было приличным. В период экономического кризиса он потерял около 2 тыс. долл., что вряд ли могло выбить его из колеи при зарплате 10 тыс. долл. в год⁵³. Кроме того, редакция оплачивала ему поездки в Берлин, Париж и Нью-Йорк. Поэтому трудно подозревать Дюранти в получении взяток. Против версии о подкупе свидетельствует и тот факт, что в британское посольство – У. Дюранти был подданным Великобритании, – журналист представлял достоверную информацию⁵⁴.

⁴³ *Duranty W.* Russians Hungry, But Not Starving. – The New York Times, 31.III.1933.

⁴⁴ *Duranty W.* Russians Suffering Justified by Reds. – The New York Times, 9.VII.1933.

⁴⁵ *Duranty W.* Abundance Found in North Caucasus. – The New York Times, 14.IX.1933.

⁴⁶ *Chamberlin W.H.* Russia's Iron Age, p. 83–84.

⁴⁷ *Duranty W.* I Write As I Please, p. 259–270.

⁴⁸ *Duranty W.* USSR: The Story of Soviet Russia. London, 1945, p. 193–194.

⁴⁹ Outstanding International Press Reporting Pulitzer Prize Winning Articles in Foreign Correspondence. V. 1. 1928–1945. New York – Berlin, 1984, p. 104.

⁵⁰ *Crowl J.* Op. cit., p. 35, 142, 158–159.

⁵¹ *Filene P.* Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambridge, 1967, p. 66.

⁵² Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927–1933, док. 316, с. 664.

⁵³ *Taylor S.* Op. cit., p. 155, 229.

⁵⁴ *Бунич И.Л.* Золото партии. СПб., 1994, с. 451.

В 1935 г. в книге "Пишу, как нравится" Дюранти сделал заявление, которое во многом объясняет его позицию: "Я пытался заставить себя думать как настоящий сталинист, чтобы понять, как же думают настоящие сталинисты, и хорошо преуспел в этом"⁵⁵. Его читатели за океаном не могли понять, что спокойствие Дюранти перед "ужасами в России было, по крайней мере, частью выражения его невысокого мнения о жертвах"⁵⁶.

Коллеги по-разному объясняли странную позицию Дюранти. Чемберлин предполагал, что это своеобразная плата за то, что власти закрывали глаза на сожительство Дюранти с секретарем – переводчицей Катей⁵⁷ и за предоставленные ему шикарные апартаменты. Английский журналист М. Маггеридж считал, что на деятельность Дюранти мог оказывать воздействие комплекс неполноценности: маленький рост, потеря ноги и трудное детство, когда он был вынужден учиться с более обеспеченными одноклассниками, которые относились к нему со снисхождением⁵⁸. Однако последние исследования не подтверждают этой версии. О его сексуальных эскападах ходили легенды. В Сент-Тропе проживала его официальная жена. В Москве его ожидала русская хозяйка⁵⁹.

По всей видимости, Дюранти в своих репортажах руководствовался, прежде всего, карьерными соображениями, что способствовало и профессиональной самореализации, и искоренению комплекса ущемленного самолюбия. Действуя в этом направлении, Дюранти не всегда был последовательным конформистом. В связи с этим уместно привести его отношение к цензуре.

Американская общественность весьма критично относилась к любой цензуре, усматривая в ней нарушение свободы слова. Многочисленные обращения снять цензуру поступали в НКВД на всем протяжении 20-х годов. Обычно их направляли Литвинову. Многие иностранцы считали, что он мог бы удовлетворить эту просьбу частично из-за длительного пребывания в Великобритании, знания демократических традиций этой страны, частично из-за своей жены, урожденной англичанки, которая по роду своей деятельности часто общалась с иностранцами.

Одно из первых обсуждений проблемы цензуры состоялось 8 мая 1923 г. во время встречи Литвинова с американскими журналистами, в числе которых был и Дюранти. Репортеры указывали, что советская цензура не достигает цели, "ибо не пропущенное цензурой" проникает за границу другим нелегальным путем в "окрашенном изложении"⁶⁰. Соответственно, предлагалось сохранить цензуру только для сведений военного характера.

Литвинов отверг претензии иностранцев, указав на то, что Россия все еще находится в состоянии полувойны со всем внешним миром. Он отметил, что одно дело, когда газеты получают сведения из уже дискредитированных источников в Гельсингфорсе и Варшаве, но другое дело, когда такие сообщения отправляются непосредственно из Москвы, "когда их считают заслуживающими тем большего доверия, что за границей всегда будут предполагать о существовании цензуры даже тогда, когда таковая будет отменена"⁶¹. В августе 1933 г. Дюранти вновь направил письмо протеста Литвинову из-за запрета на поездки по южным районам страны⁶².

Казалось, зачем нужно было Дюранти портить отношения с Литвиновым из-за цензуры? Его собственные корреспонденции цензура пропускала почти без правки. С проблемами цензуры он сталкивался еще во время Первой мировой войны и воспринимал

⁵⁵ *Duranty W. I Write As I Please*, p. 304.

⁵⁶ *Lyons E. The Red Decade: the Classic Work on Communism in America During the Thirties*, p. 304.

⁵⁷ В 1932 г. у Кати от Дюранти родился сын Майкл.

⁵⁸ См.: *Crowl J. Angels in Stalin's Paradise: Western Reporters in Soviet Russia...*, p. 194.

⁵⁹ *Taylor S. Op. cit.*, p. 4, 5.

⁶⁰ Архив внешней политики Российской Федерации, ф.08 (секретариат Л.М. Карахана), оп. 6, п. 6, д. 26, л. 3.

⁶¹ Там же, л. 3,4.

⁶² *Taylor S. Op. cit.*, p. 218–219.

ее как неизбежную необходимость. Однако цензура ограничивала его профессиональную деятельность и, конечно, усложняла возможность преподнести читателям свои репортажи в полном блеске. С другой стороны, пост дуайена иностранного журналистского корпуса в Москве накладывал на него обязанности отстаивать корпоративные интересы зарубежных обозревателей. В противном случае, это могло отразиться на его профессиональном авторитете.

Дюранти оставил свой пост в Москве в декабре 1933 г. главным образом из-за проблем со здоровьем. Московская погода и результат почти 12-летнего пребывания в России отразились на сердце и общем состоянии здоровья. В возрасте 50 лет он оставляет работу в "Нью-Йорк таймс", едет в южную Калифорнию и начинает писать мемуары. Хотя он был по-прежнему широко уважаем, и почти не потерял авторитета со времени получения премии Пулитцера, американские журналисты Ю. Лайонс и У.Г. Чемберлин, покинувшие Россию примерно в то же время, что и Дюранти, сделали в 1934 г. ряд заявлений, в которых бралась под сомнение точность сообщений журналиста. Но в этом профессиональном споре Дюранти одержал верх.

В 1935 г. вышли в свет его мемуары под вызывающим названием "Пишу, как нравится". Эта книга – не только отчет о 12-летнем пребывании Дюранти в России, но и подтверждение и защита той философии, которой отмечены все его репортажи из Москвы. И хотя читателю его часто повторяющиеся взгляды об "азиатском" характере России казались утомительными и упрощенными, они и в 1935 г. были приняты хорошо. Книга стала бестселлером, и, по словам одного писателя, в тот период усилила поддержку сталинской России со стороны американцев⁶³. Успех Дюранти определялся его утверждением, что он знает Россию, как очень немногие на Западе.

Начало "большой чистки" в СССР в 1936 г. не повлияло на позицию Дюранти. В отличие от других иностранных журналистов, прежде симпатизировавших советской системе, которые подвергли сомнению правдивость показательных процессов, Дюранти всячески защищал их. Он считал, что Троцкий создал свою шпионскую сеть как раз в то время, когда Германия и Япония стали расширять свою разведывательную деятельность в СССР. Он утверждал, что троцкисты и фашисты одинаково ненавидели Сталина. Поэтому неудивительно, что они объединились для убийства Кирова. Показательные процессы, по мнению журналиста, вскрыли связи между троцкистами и фашистами. Тех, кто за границей был обеспокоен правами обвиняемых, или кто заявлял, что признания были добыты под пытками или под воздействием медицинских препаратов, Дюранти обвинял в пособничестве Германии и Японии⁶⁴. Такие заявления свидетельствовали о том, что хотя угроза советской цензуры не угрожала Дюранти, его взгляды после возвращения на Запад не изменились со времен пребывания в Москве. Пытаться критиковать политические процессы в СССР означало для него публично развенчать в себе признанного специалиста по "русскому вопросу".

Более подробно Дюранти описывал политические процессы в двух своих работах, опубликованных в начале 1940-х годов. Он по-прежнему утверждал, что "большая чистка" уничтожила "пятую колонну" троцкистских и фашистских агентов. Осмеивая высказывания, что осужденные могли быть не виновны в том, в чем их обвиняли, Дюранти заявлял: "Немыслимо, чтобы Сталин, Ворошилов и Буденный... приговорили своих друзей к смерти, если бы доказательства их вины не были убедительными". О закрытом судебном процессе над маршалом Тухачевским и другими командирами Красной Армии в июне 1937 г. Дюранти писал, что осужденные готовили заговор вместе с иностранными агентами. Особенно он отмечал тот факт, что все обвиняемые признали свою вину, а самоубийство Гамарника он представил в качестве доказательства связи последнего с немцами⁶⁵.

⁶³ *Howe Q.* The News and How to Understand It. New York, 1940, p. 108.

⁶⁴ *Duranty W.* The Riddle of Russia. – The New Republic, 1937, July, p. 20.

⁶⁵ *Duranty W.* The Kremlin and the People. New York, 1941, p. 146–148.

Четыре года спустя, в 1945 г., в книге "СССР. История Советской России" позиция Дюранти казалась менее догматичной, но только из-за того, что он долго не мог найти издателя, согласного опубликовать его прежние взгляды. Первая версия книги, которая не сохранилась, вероятно, выражала настолько сильную поддержку действиям Сталина во время чистки, что потенциальные издатели ее отклонили. В переработанной версии Дюранти относился к действиям Сталина скорее с пониманием, чем с оправданием. Дюранти утверждал, что накануне процессов Советскому Союзу угрожали Германия и Япония, и Сталин ожидал волны террора с целью ослабления Советов для подготовки к отражению нападения. Убийство Кирова, казалось, подтверждало такие опасения. Об этом свидетельствовало и убийство министра иностранных дел Франции Л. Барту, который с симпатией относился к СССР. Поэтому аресты при тех обстоятельствах, полагал Дюранти, были необходимы и оправданы. Как и прежде он считал, что аресты ликвидировали заговор и предотвратили нападение на Россию в середине 1930-х годов⁶⁶.

В 1941 г. со вступлением США во Вторую мировую войну, "Нью-Йорк таймс" окончательно отказывается от услуг Дюранти. Газете надо было ужиматься в расходах. Умер Дюранти 3 октября 1957 г. в г. Орландо (Флорида). Последней работой журналиста стала книга "Сталин и компания: Политбюро и люди, которые правили Россией"⁶⁷. Она была хорошо принята читателями.

Оценка литературно-публицистического наследия Дюранти и его деятельности на журналистском поприще была предметом споров среди интеллектуальных кругов Запада на протяжении многих десятилетий. Похоже, что новые материалы из российских архивов будут способствовать продолжению этой полемики.

⁶⁶ *Duranty W.* USSR: The Story of Soviet Russia, p. 210–216.

⁶⁷ *Duranty W.* Stalin and Co, the Politburo, the Men Who Ran Russia. New York, 1949.